

ПСИХОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 159.9.07 316.77

Н. Н. Королева, В. Х. Манеров, И. М. Богдановская, А. Н. Кошелева, Ю. Л. Проект

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ В КАРТИНЕ МИРА МОЛОДЕЖИ*

В современной социокультурной реальности на рубеже XX–XXI вв. возрастает роль мифологической, иррациональной сферы общественного и индивидуального сознания, объясняющей и конструирующей социальный мир и определяющей формирование идентичности современного человека. Мифологические компоненты субъективной картины мира делают из нее вполне устойчивую систему, в структуру которой может быть вписано разнообразное содержание. Связывая существующие в обществе представления и индивидуальное восприятие, миф придает им психологическую достоверность. Именно это позволяет мифу выступать психологическим механизмом, посредством которого осуществляется связь коллективных и индивидуальных представлений о жизненной среде. В настоящей ситуации мирового экономического кризиса, который затронул и нашу страну, распространившись с финансовой сферы на жизнь обычных граждан, каждый россиянин переживает неопределенность относительно своего будущего, задается вопросом о возможности ее преодоления. В период масштабных кризисных явлений изменение, даже частичное, привычной картины мира ведет к более яркому проявлению ее мифологических оснований. Здесь необходимо отметить, что современное научное знание также характеризуется изменением своих эпистемологических оснований, связанным с кризисом рационализма, ростом культурной толерантности, признанием множественности истин. При этом миф как особая форма познания, как синтез реального и воображаемого, индивидуального и общественного, теоретического и обыденного, чувственного и рационального восстанавливает целостность мира и сознания, свободно включается в сложнейшие философско-психологические построения как в рамках классической, так и неклассической рациональности. Такое понимание мифа позволяет поставить вопрос о его конструктивной роли в отношении субъективной картины мира и определяет направление исследований не только ее конкретного содержания, но и способа построения.

Однако основные черты мифологического восприятия мира подвержены трансформациям, поскольку на разных стадиях социально-исторической эволюции удельный вес проявлений мифосознания меняется от универсально-общего состояния до периодически активизирующегося, периферийно присутствующего, но всегда воспроизводящегося [11]. В данном процессе объединяются мифотворчество и мифологизация, ему присущ не только спонтанный, бессознательный самопроизвольный характер, но и осознан-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке фонда РГНФ (научно-исследовательский проект РГНФ № 09-03-00028а — «Образ России во временной перспективе: от культурогенеза социального мифа к картине мира современной молодежи»).

© Н. Н. Королева, В. Х. Манеров, И. М. Богдановская, А. Н. Кошелева, Ю. Л. Проект, 2010

ный, когда миф генерируется целенаправленно. Как отмечает М. Ю. Смирнов, чаще всего анализ мифа начинается от его архаического материала — самого древнего образования человеческого сознания, имеющего синкретический характер, в котором переплетены первоэлементы религии, науки, искусства, закреплены нормативные образцы социального поведения. Космологические, онтологические, эсхатологические мифы отражают информацию о способах познания людьми окружающего мира, описывают образ или картину мира, присущую тем или иным человеческим сообществам. Современная социокультурная ситуация демонстрирует устойчивость структурных элементов архаического мифа: его сюжеты и мотивы включены во все сферы жизнедеятельности человека, латентно присутствуют в повседневной жизни, философии, языке и мышлении. Тем не менее соотнесение архаической мифологии и современного мифотворчества возможно только при четкой фиксации понимания специфики мышления и социально-психологических характеристик современного человека [3]. Исторический процесс постоянно разрушает классическое мифосознание, заменяя его социальной мифологией, обращая в область интерпретации социальных отношений [7]. В отличие от архаического мифа, современный миф развивается в контексте социальной практики, предоставляющей индивидууму и обществу широкие познавательные возможности. Интересно, что при этом наблюдается не уменьшение иррациональных форм освоения мира, а напротив, ремифологизация или возрождение мифа. Между традиционным и социальным мифом существует определенное сходство по функциям, объекту мифологизации, способам объективации [12]. И тот, и другой призваны не только объяснить существующее, но и создать образ новой реальности, которой еще предстоит воплотиться в действительности. Основным объектом мифологизации в обоих случаях является прошлое данного социума, которое сохраняет свою актуальность для настоящего. И традиционные и социальные мифы являются действенной силой, которая организует поведение индивида и человеческих масс, реализуются в общественных ритуалах, укрепляет социальные связи, придает осмысленность человеческому существованию, выполняет функции психологической компенсации. Однако не менее значимы отличия социальных мифов от мифов традиционных. В социальных мифах объектом мифологизации являются реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого; социальные мифы создаются определенными людьми или группами людей, несут в себе видимость правдоподобия и наукообразия; могут распространяться и через средства массовой информации. Сегодня не существует единого подхода к выделению типов социальных мифов. В то же время существуют их множественные эмпирические классификации по различным основаниям. Так, на основе значимых для общества социокультурных сфер выделяются следующие мифы: 1) политической и общественной жизни; 2) связанные с этнической и религиозной самоидентификацией; 3) с внерелигиозными верованиями; 4) массовой культуры. А. Л. Ульяновский [13] классифицирует социальные мифы на основе отношения знания о социальном мифе его создателя и незнания о мифе человека, живущего в нем. Это отношение автор обозначает понятием проявленность и выделяет, соответственно, непроявленные, проявленные и явные социальные мифы. Типы социальных мифов выделяются по различным основаниям: социальные роли (миф об интеллигенции — миф о предпринимательстве), исторические периоды (советский — постсоветский миф), профессиональные сообщества (врачебные мифы), различные субкультуры (мифы криминальной субкультуры), и этот список можно продолжать. Обширная феноменология социальных мифов отражает целостную психологическую сущность мифа, которая связана с духовной жизнью человека, указывает на то, что социальные мифы соотносятся буквально со всеми сторонами окружающей действительности и призва-

ны упорядочивать и интерпретировать жизненный опыт современного человека. Тем не менее возможна и другая исследовательская позиция по отношению к социальным мифам. Помимо изучения феноменологии, возможно обращение к логике социального мифа, его изучение с позиций структурного подхода [6]. Выявление структурных характеристик социального мифа позволит показать условия реализации его содержания, организованного как культурно-символический гештальт, объединяющий элементы деятельности (внутренней или внешней), реализующий заложенную в нем схему или сюжет.

Применительно к современной молодежной субкультуре можно говорить о том, что в ней заметно выделяются такие, во многом противостоящие друг другу образы современного социального пространства, как патриотический и космополитический (иначе говоря, глобалистский), являющиеся основой социально-политической идентификации личности.

Укажем причины, способствующие актуализации *патриотического* мифа в картине мира современного молодого человека. По-видимому, они связаны с внутренне противоречивым восприятием современной России, в котором ее нынешнее состояние не согласуется с российской исторической традицией, менталитетом и политическим сознанием общества. Анализ современных социологических исследований показывает, что для большей части общества Россия продолжает оставаться имперской державой, из-за чего в обыденном сознании не четко представлены государственные границы [9]. Как следствие, распространенной является тенденция воспринимать территорию России как ценность, которой нельзя поступиться, вне зависимости от социокультурной близости или чужеродности спорных территорий [1]. Также менталитет патриотично настроенного современного россиянина включает обыденные представления, установки и стереотипы, среди которых наиболее часто отмечаются: склонность к общинным, коллективным формам жизнедеятельности, харизматическое восприятие власти, правовой нигилизм, стремление ко всеобщему равенству, преувеличение значения национальной русской идеи, открытость и всеотзывчивость [2].

Актуализация *космополитического* (глобалистского) мифа также обусловлена рядом факторов. Технологический переворот, основанный на компьютеризации всех сфер жизни российского общества и сообщающий мировоззрению современного молодого человека информационную глубину, изменяет систему отношений к действительности, что проявляется на уровнях обыденного, научного, религиозного, нравственного, эстетического и других форм сознания и в конечном счете затрагивает пространственно-временные характеристики субъективной картины мира.

Кроме того, существует дополнительный ряд факторов, характерных именно для молодежи и усиливающих роль мифологических представлений в современной картине мира. К ним можно отнести: обострение проблемы жизненного старта; угрозу разрыва преемственности поколений; противоречивость политических взглядов и ориентации молодых людей; отсутствие политического опыта, фрагментарность политической культуры молодых граждан; слабость институтов политической социализации; отсутствие эффективной, научно обоснованной государственной молодежной политики [10].

В связи с вышесказанным, содержательные и структурные характеристики космополитического и патриотического мифа в картине мира представляют особый интерес как диаметрально противоположные и крайние формы социальной идентификации молодых людей. С целью выявления основных смысловых размерностей картины мира в сознании испытуемых (125 человек в возрасте от 18 до 25 лет) с различными социально-политическими установками нами была применена техника репертуарных решеток.

Понятия, предложенные для оценивания, отражали различные аспекты картины мира: пространство государственности (государство, гражданин, границы, закон, мораль), отношение к стране (народ, нация, обычаи, почва (земля), родина, отечество, традиции, менталитет, истоки, дом), жизненное пространство (земля (планета), человечество, жизнь), пространство переживаний (вина, гнев, печаль, радость, страх, счастье, тревога, гордость, любовь, одиночество), социальные связи (мать, отец, друг, враг, подруга, партнер), социально-ролевые позиции (человек, которого мне жалко, мой идеал человека, человек, которого я уважаю, человек, которого я презираю, человек, на которого я хочу быть похожим, женщина, мужчина), эстетические категории (красота, уродство, гармония), нравственно-этические категории (честь, равенство, справедливость, духовность, ложь, обман, ответственность, правда, свобода, совесть), личностный потенциал (глупость, разум, сила, смелость, неволя, терпение, созидание), образ Я (Я в прошлом, Я сейчас, Я в будущем), временные категории (прошлое, настоящее, будущее). Указанные понятия оценивались испытуемыми с использованием шкал авторской модификации методики личностного семантического дифференциала. Состав оценочных шкал определили 24 дихотомические пары прилагательных [5].

В результате обработки среднегрупповых матриц оценок с помощью факторного анализа было выделено два относительно независимых фактора в каждой группе. Первый фактор, «Полнота социальной жизни», является общим для картины мира «патриотов» и «космополитов». Он образован характеристиками успешного общения (общительный, увлеченный, честный), волевого потенциала (целеустремленный, смелый, реализующий), удовлетворенности жизнью (наслаждающийся, оптимистичный, развивающийся). Второй фактор в выборке «космополитов» отражает характеристики манипулятивности и социальной хитрости, тогда как в выборке «патриотов» его содержание отражает субъектно-деятельностный потенциал человека, его социальную решительность. По-видимому, в данном случае мы можем говорить о противопоставлении ключевых жизненных смыслов, соответствующих противоречивости социальной ситуации и необходимости ее разрешения двумя различными путями, образующими архетипическую модель «культурный герой-трикстер». Культурный герой позволяет молодому человеку идентифицироваться в национальном плане, наполняет гордостью патриотические смыслы их жизни. Идентификация с трикстером в общем плане связана с идеей неподчинения принятым правилам поведения, которое часто происходит в виде веселых уловок и хитростей.

На следующем этапе исследования нами рассматривались содержательные характеристики картины мира в пространстве выделенных факторов. Подробное рассмотрение семантического поля «патриотов» позволило выделить шесть основных смысловых областей, отражающих современную специфику мировосприятия культурного героя, с которым они себя идентифицируют. Первая область отражает дистанцирование героя от социальной массы, демонстрирующей низкую социальную решительность и малую полноту социальной жизни (народ, обман, страх, неволя, менталитет, разум, человечество, человек, которого я презираю). Содержание второй области свидетельствует о смысловой амбивалентности гражданской позиции героя (гнев, государство, гордость, я в прошлом, враг, совесть, настоящее, сила, смелость). Третья область характеризует амбивалентное отношение к общественной морали, которая в субъективном семантическом пространстве расположена в ином смысловом поле, нежели совесть (ответственность, мораль, глупость, вина, граница, гражданин, ложь, одиночество). Соседство этих понятий позволяет сделать вывод, что общественная мораль не в полной мере удовлетворяет «патриотов», и это обосновывает особую выраженность собственных

нравственных принципов. Четвертая область отражает идеализированное представление о прошлом России (родина, прошлое, нация, печаль, женщина, человек, которого мне жалко). Пятая, самая насыщенная по количеству понятий семантическая область, отражает удовлетворенность социальными связями, указывает на идентификацию со своей социальной группой (человек, которого я уважаю, соиздание, друг, счастье, радость, правда, жизнь, равенство, любовь, честь, отец, традиции, мой идеал человека, Я сейчас, партнер, истоки, дом, подруга, справедливость). Локализация социальной идентификации «патриотов», определяемая ближайшим социальным окружением, и его положительная оценка демонстрирует удовлетворенность отношениями в данной группе, придание ей статуса малой Родины, ощущение ее значения как истоков формирования и развития своей личности. Все это указывает на актуализацию группового мифа. Шестое семантическое поле отражает пространство жизненной перспективы «патриотов» (Я в будущем, будущее, гармония, обычаи, почва, духовность, свобода, красота, человек, на которого я хочу быть похожим). Близость понятий свобода, духовность, гармония, обычаи позволяет сделать вывод о понимании будущего как некоего идеального конструкта, обеспечивающего возможность гармоничной и счастливой жизни.

Семантическое поле «космополитов» отличается меньшей дифференцированностью, схожестью оценок различных понятий. В семантическом пространстве также можно выделить шесть групп. В первую вошли понятия, отражающие ограничения в ощущении полноты социальной жизни и необходимость соблюдать определенные нормы и правила поведения даже в тех случаях, когда это ущемляет личные интересы (печаль, одиночество, неволя, обман, духовность, человек, которого я презираю, человек, которого мне жалко, государство, граница, закон, гражданин). Второе семантическое поле отражает смысловые трансформации понятия «нация» (страх, нация, вина, враг, тревога, гордость, глупость). Возможно, подобные переживания связаны со спецификой индивидуального жизненного опыта молодых людей космополитической направленности, где потенциальная связь личности и своего этноса была нарушена вследствие определенных травматических событий, вызывающих негативные переживания и психологические защиты в сфере этнической идентификации. Третье семантическое поле включает в себя такие понятия, как мораль, красота, народ, справедливость, совесть, почва, истоки, равенство. При этом, в отличие от «патриотов», мораль и совесть у «космополитов» не разграничены, иными словами — не выражены смысловые разграничения в нравственно-этических ориентирах. Таким образом, еще раз подчеркивается бинарность образов героя и его антипода. При этом в культуральном мифе фигура антигероя призвана оттенить заслуги последнего. В современной картине мира неизменной остается структура данного мифологического конструкта, тогда как смысловое содержание несколько модифицируется. Четвертое поле (настоящее, менталитет, традиции, сила, человек, на которого я хочу быть похожим) отличается малой дифференцированностью и не имеет выраженных эмоционально значимых оценок. Пятое семантическое поле объединяет бесспорные общечеловеческие ценности (разум, отечество, ответственность, человечество, дом, соиздание, женщина, честь, терпение, смелость). Шестое — отражает пространство объектов социальной идентификации «космополитов» (отец, подруга, мать, радость, любовь, свобода, прошлое, Я в прошлом, Я сейчас, Я в будущем, счастье, друг, жизнь, человек, которого я уважаю, мой идеал человека). То, что в этом поле одновременно и субъективно близко присутствуют все определения Я, касающиеся временной перспективы (Я в прошлом, Я сейчас, Я в будущем), — может свидетельствовать о некоторой ригидности Я-образа в целом. Это

отличает «космополитов» от «патриотов», у которых данные понятия более четко соотносятся с временными категориями.

Приведенные результаты указывают на то, что субъективная картина мира складывается у молодого человека на фоне перехода от одной цивилизационной эпохи к другой, и этот процесс сопровождается глубокой перестройкой культуральных основ общественной жизни, изменением возможностей и способов понимания, познания мира и себя [8]. Все это побуждает молодого человека к индивидуальному поиску собственных суждений о смысле бытия, на выработку индивидуальных субъективных суждений о мире, в котором он живет. Эти суждения конструируются на основе субъективно оцененного опыта, которому отдается предпочтение и доверие. Именно поэтому в представлениях о действительности включаются субъективно выработанные мифологемы — символы внутреннего ядра личности, посредством которых одновременно репрезентируется и субъективная картина мира [4]. Мифологическая составляющая в картине мира индигнально выражает сущность происходящего в жизненном пространстве молодого человека и обозначает его значимость для будущего при помощи специального (символического) языка. С этой точки зрения миф может компенсировать недостаток позитивной социальной информации, стать опорой субъективного образа мира, одним из средств социального ориентирования.

Литература

1. *Гавров С. Н.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.
2. *Дрепа Г. Н., Дмитриев А. Н., Дмитриева Э. Я.* Ментальность и менталитет российского общества // Российское сознание: Материалы II междунар. конф. по исторической психологии российского сознания. Самара: СамГПУ, 1997. С. 90–100.
3. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 248 с.
4. *Извеков А. И.* Взросление человечества: оптимистический взгляд на кризис переходного возраста // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч. I. С. 34–44.
5. *Королева Н. Н.* Категориальная структура образа жизненного события // Тезисы 13-го Междунар. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М.: МГЛУ, 2000. С. 85–87.
6. *Косарев А.* Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость: Учеб. пособие для вузов. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2000. 177 с.
7. *Косов А. В.* Мифологические формы сознания как механизмы, обеспечивающие психологическое и психическое здоровье // Раннее детство в современном мире: философский, медико-социальный, психологический анализ: Сб. науч.-метод. материалов конкурса социальных технологий и науч. иссл. им. Е. М. Мастюковой. Калуга: Изд-во «Эйдос» (ИП Кошелев А. Б.), 2005. С. 44–47.
8. *Косов А. Н., Стрельник О. Н.* Политическая идеология и мифология: конфликты на почве родства // Вестник. № 8. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/8150>.
9. *Паин Э. А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 248 с.
10. *Рогов Д. В.* Государственная молодежная политика как фактор и важнейший инструмент политической социализации молодого поколения // Синергетика образования: науч. электронный журнал. Вып. 12. Армавир, 2007–2009. URL: http://www.sinobr.ru/artcls/a12_25.html.
11. *Смирнов М. Ю.* Российское общество между мифом и религией: историко-социологический очерк. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 228 с.
12. *Топорков А. Л.* Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие //

Человек и общество: поиски, проблемы и решения. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>.

13. *Ульяновский А. В.* Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. 544 с.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2010 г.